

ВОЛНА

Вера Тёмная

18+

Вера Тёмная Волна

<https://litres.ru/74066366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — дочь криминального авторитета, запертая в золотой клетке. Он — угонщик и наёмник, живущий одним днём. Их встреча у служебного входа в ночной клуб становится началом войны против целой системы. Вместе они бросают вызов мафии, коррумпированным генералам и теневому кукловоду по прозвищу Крестный. Погони, перестрелки, предательства и рискованные операции — но главное, что движет ими, — это любовь, рождённая в дыму и порохе.

Они разрушают империи, чтобы построить свой собственный мир. Им предстоит пройти через ад, потерять всё и найти друг друга. История о том, как даже в самом тёмном городе можно зажечь свет. И как одна встреча может изменить судьбы двух людей — и целого поколения.

Динамичный, дерзкий и пронзительно нежный роман о любви, которая не боится пуль.

Содержание

Глава 1. Преследование по встрече	4
Глава 2. Волк в овечьей шкуре	23
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Волна

Глава 1. Преследование по встрече

Город дышал смогом и дизелем. Неон вывесок плавился в лужах после ночного дождя, превращая Санкт-Лоренцбург в зеркальный лабиринт. Где-то на востоке выли сирены, но здесь, в тени недостроенного моста, было тихо. Слишком тихо.

Дима выдохнул дым «Парламента» в тонированное стекло «Ауди RS7». Тачка была горячей — в прямом и переносном смысле. Вчерашний угон, снятые номера, броня в дверях. Пальцы привычно барабанили по обшивке руля. Ждать — это всегда худшая часть. Ждать звонка, ждать сигнала, ждать, когда пушка в бардачке нагреется до температуры тела.

— Спишь там, Виталя? — бросил он в гарнитуру.

— У них охрана как у президента, — прошипел голос напарника. — Но я вижу её. Она вышла покурить. Твоя взяла...

Дима прищурился. Через мутную пелену дождя он увидел её. Она стояла у служебного входа в «Арт-Плаза» — стеклянную клетку для богатых. Высокая, темные волосы стянуты в небрежный пучок, длинное пальто кремового цвета, которое стоило как его прошлая тачка. Она курила тонкую сигарету и смотрела в телефон.

Валькирия. Чистокровная. Такой не место в этом районе. Такой место в пентхаусе с видом на набережную, а не в переулке, где пахнет мочой и свободой.

Дима вышел из машины. Тихо, как кошка. Дождь охлаждал затылок, стекая за воротник кожаной куртки. Он видел, как она вздрогнула, когда его тень накрыла её.

— Помогите? — спросила она, даже не поднимая глаз. Голос — низкий, с хрипотцой. — Я жду машину.

— Она не приедет, — сказал Дима, доставая из кармана куртки не пистолет, а зажигалку. — Дороги перекрыты. Менты ищут жёлтый «Порше» с двумя трупами в багажнике.

Она подняла глаза. Зеленые, как бутылочное стекло под водой. И ни капли страха. Только холодное любопытство.

— Ты рискнул подойти ко мне, — медленно произнесла она, разглядывая шрам на его скуле. — Зная, что за мной приедут люди Вольфа.

— Вольф уже никуда не приедет, — усмехнулся Дима. — Я его забрал сам. Пару часов назад. Теперь он в багажнике. Так что, Валерия, у тебя есть две минуты, чтобы сесть в мою тачку, пока я не передумал и не продал тебя за долги.

Она затушила сигарету о его грудь, прямо на логотип элитной марки. Дима даже не шелохнулся. Только чуть склонил голову, глядя на неё сверху вниз. Она пахла дорогим парфюмом и одиночеством.

— Ты похож на анархиста, — сказала она. — Плохой мальчик с дорогой игрушкой. Но ты водишь лучше, чем стреляешь, Дима. Я видела твой заезд на кольцевую неделю назад.

Он моргнул. Она знала его. Знала до сегодняшнего дня. Это ломало все карты.

— Садись, — бросил он, открывая перед ней пассажирскую дверь. — Если я умирать, то под музыку.

В салоне заиграл замедленный трек, скрипка мешалась с

басами.

— Документы в перчаточном ящике, — сказал он, вылетая на встречу. — И не ори, когда услышишь пули.

Лера не закричала. Она откинулась на сиденье и посмотрела на него. Взгляд, от которого у него свело скулы. Она смотрела не как на угонщика или убийцу. Она смотрела на него, как на последний шанс сбежать из этого золотого ада.

— Куда мы едем? — спросила она, когда за ними взвизгнули шины чёрного внедорожника.

— В никуда, — усмехнулся он, выжимая газ в пол. — А там видно будет.

Она вдруг рассмеялась — громко, искренне. Глаза загорелись, как у ребёнка, который решил разбить витрину.

— Дим, — сказала она, кладя ладонь на его руку, сжимающую рычаг коробки. — Ты влип. Я — дочь человека, который заказал твоего брата.

Дима окаменел. Город за окном размазался в световую полосу. Он не знал, что она дочь того самого Вольфа. Но он знал только одно: когда она коснулась его, он впервые за по-

следние пять лет захотел жить.

— Плевать, — выдохнул он, сворачивая в туннель. — Держись, Лера. Сейчас будет весело.

И город содрогнулся от взрыва, но где-то в глубине души, под звуки сирен и скрежет металла, что-то щелкнуло. Это начиналось не как спасение. Это начиналось как война, где они вдвоем против всего мира. И чертовски похоже на любовь.

Взрыв позади них вырвал кусок бетона, но «Ауди» уже нырнула в тоннель, и грохот превратился в глухой гул. Лера сидела, вцепившись в ремень, но глаза её горели. Она не смотрела в зеркало заднего вида, не оглядывалась на дым, — она смотрела на его профиль. На жесткие скулы, на родинку под ухом, которую он сам не видел.

— Ты не спросишь, зачем я это сделала? — спросила она, когда шины перестали визжать. Тоннель вывел их в промзону — ржавые трубы, пустые цеха, ни одной живой души. Дима сбросил газ до восьмидесяти.

— А надо? — хмыкнул он, доставая новый «Парламент» из пачки одной рукой. — Ты дочь Вольфа. Твой папа убил моего брата. Ты сидишь в моей машине. Всё просто.

— Просто? — она подалась вперёд и выхватила у него изо рта сигарету, затянулась сама. — Дима, я слила тебе координаты его людей. Я час назад скинула его маршрут на твой запасной телефон. Если бы я хотела тебя убить, ты бы уже был в реке с камнями на шее.

Он резко ударил по тормозам. Машина встала посреди пустынного двора, фары уперлись в кирпичную стену. Тишина на мгновение стала абсолютной — только дождь стучал по крыше, как сотни маленьких кулаков.

— Зачем тебе это? — спросил он, медленно поворачивая голову. Его голос стал ниже, тяжелее. Опаснее. — Зачем предавать отца?

Лера отвела взгляд. Отбросила волосы назад, и он увидел на её шее тонкую цепочку с кулоном — в виде волка, но перечёркнутого крест-накрест. Свой знак. Символ того, что она уже давно не в стае.

— Потому что он убил не просто твоего брата, — тихо сказала она. — Он убил мою мать. Когда мне было десять. И прикрыл это дорожной аварией.

Где-то снаружи, за забором, проехал полицейский дрон,

но Дима уже не смотрел на радар. Он смотрел на неё. И вдруг понял, что за внешней бронёй, за холодным взглядом и маской «принцессы мафии» скрывается та же боль, что и у него. Только он носил её в кулаках и рубцах, а она — в этой тонкой цепочке.

— И что теперь? — спросил он, протягивая ей пачку сигарет. — Мы с тобой — два одиночки против его империи?

— Мы с тобой — два одиночки, у которых нет никого, — поправила она. И, взяв сигарету, прикурила от его зажигалки. На секунду их лица сблизились так, что он почувствовал жар её дыхания. — Но у меня есть его банковские коды. А у тебя — чутьё на смерть. Думаю, справимся.

Он засмеялся — коротко, хрипло. Потом завёл мотор и вырулил в дождь.

— Лера, — бросил он, сворачивая на трассу. — Если это ловушка — я убью тебя первым. Но если нет... То, чёрт возьми, я хочу услышать твою историю до конца.

Она кивнула и уткнулась лбом в холодное стекло.

— А я хочу увидеть, как горит его особняк, — прошептала она. — И я покажу тебе, как впустить её в сердце, даже

когда кругом стрельба.

Машина уносилась в ночь, а по рации в бардачке захрипел голос Витали:

— Брат, они поднимают вертушку... Где вы?!

Дима выжал газ. Дождь лил стеной. Он чувствовал запах её волос, смешанный с пороховой гарью от взрыва. И знал, что этой ночью их обоих ждёт либо смерть, либо нечто гораздо более страшное — правда.

Он нажал кнопку на руле:

— Виталя, отбой. Мы в «Астории». Через два часа будем на берегу. И скажи ребятам — у нас новый игрок. — Он покосился на Леру. — Надеюсь, не последний.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько льда и огня, что Дима понял: это только начало. Самая кровавая, самая безумная, самая запретная любовь в его жизни.

И он готов был за неё умереть. Но сначала — выжить.

Через два часа они были на берегу. Не на том фешенебельном, где яхты и шампанское, а там, где лес подступал

к воде, а единственным освещением служил свет луны, пробивающийся сквозь рваные тучи. Старый рыбацкий дом на сваях, который Дима держал «на чёрный день». Внутри пахло деревом, солью и старыми деньгами — наличкой, запечатанной в пакеты под половицами.

Лера стояла у окна, глядя на чёрную воду. Она скинула мокрое пальто, оставшись в тонком свитере, и Дима заметил, как она дрожит. Не от холода. От адреналина, который всё ещё бурлил в крови.

— Водка? — предложил он, вытаскивая из бара початую бутылку. — Или ты из тех, кто пьёт только шабли?

— Я из тех, кто выжил, — она взяла бутылку и сделала глоток прямо из горла, не поморщившись. Потом протянула ему. — Держи. За нас.

Он приложился к горлышку, чувствуя, как огонь разливается по груди. Сел на старый диван, похлопал по сиденью рядом с собой. Она опустилась рядом, но не прижималась — держала дистанцию. Как будто между ними всё ещё были пули.

— Рассказывай, — сказал он, разворачивая на столе планшет с картой города. — Где у твоего папаши слабые места?

Она склонилась над картой, и её волосы коснулись его плеча. Он замер на мгновение — этот запах, дождь и жасмин, ворвался в его лёгкие и застрял где-то в груди.

— Вот здесь, — она ткнула пальцем в портовый склад. — Его «бухгалтерия». Не цифры — компромат на всех, кто ему должен. Если мы достанем это — он потеряет крышу. Все его покровители отвернутся. А без них он просто старик с пистолетом.

— Охрана? — деловито спросил Дима, переключаясь на режим оператора.

— Двенадцать человек, две смены. Камеры по периметру, но есть мёртвая зона — старый вентиляционный люк. Я знаю код.

Он посмотрел на неё с новым уважением. Она не просто принцесса в башне — она собирала эту информацию годами. Ждала. Терпела.

— Ты уверена? — спросил он. — Если мы туда полезем, обратного пути не будет.

Вместо ответа она взяла его руку, перевернула ладонью

вверх и провела пальцем по его шрамам — старым, затянутым, белым.

— У меня есть такие же, — сказала она, поднимая рукав свитера. На внутренней стороне запястья — тонкая, почти незаметная линия. Он понял: не порез, не случайность. Это она сама, давно, пыталась остановить боль. — Мы оба уже давно за чертой. Разница только в том, что я хочу уйти красиво. А ты — громко.

Он сжал её ладонь. Крепко. Так, что она не смогла бы вырваться. Но она и не пыталась. Их глаза встретились, и вдруг всё — дождь, ветер, план операции — исчезло. Остались только они и стук сердца, который он слышал в тишине.

— Лера, — сказал он хрипло. — Я не умею говорить красиво. И не умею обещать. Но если мы выберемся из этого ада... я хочу, чтобы ты была рядом. Не как напарник. А как... — он запнулся, и впервые за много лет его голос дрогнул.

Она приподнялась, сократила расстояние. Её губы почти касались его уха, когда она прошептала:

— Я уже рядом.

И поцеловала его — не нежно, а жадно, со вкусом водки,

дыма и отчаяния. Он притянул её к себе, чувствуя, как её пальцы впиваются в его плечи, как дрожит её тело, — и понял, что эта дрожь не от страха. Это была та же ярость жизни, что и у него. Пламя, которое они оба так долго прятали.

Когда они оторвались друг от друга, чтобы перевести дыхание, Дима услышал, как снаружи завыл мотор квадрокоптера. Не полицейский. Дорогой, военный. Вольф знал, где его дочь.

— Поздно прятаться, — выдохнула Лера, вставая и натягивая куртку. — Они уже здесь.

Дима вытащил из-под дивана увесистый кейс. Откинул крышку — внутри лежали два «Глока», глушители и гранаты.

— Значит, — сказал он, протягивая ей один пистолет. — Играем по-крупному. Склад, компромат, особняк Вольфа. В одной упряжке. Согласна?

Она взяла оружие, провернула магазин, проверила затвор. Одним движением. Профессионально. Дима чуть усмехнулся — конечно, она умела стрелять. Она была им. Его зеркалом.

— Согласна, — сказала она и улыбнулась той самой улыбкой, от которой у него останавливалось сердце. — Погнали жечь этот грёбанный город, любимый.

Последнее слово повисло в воздухе, тяжёлое и настоящее. Он не ответил. Просто взял её за руку и вывел через чёрный ход в лес, пока дрон кружил над крышей.

Сзади взорвалось что-то — дом, в котором они только что были, ушёл в небо огненным шаром. Вольф не оставлял свидетелей. Даже ради дочери.

Они бежали сквозь деревья, и Дима думал только об одном: если они переживут эту ночь, он больше никогда не отпустит её. Никогда.

Они бежали сквозь лес, пока ветки хлестали по лицам, а сзади рвались снаряды — Вольф не жалел ничего, даже старый рыбацкий дом, чтобы стереть их с лица земли. Дима тянул Леру за руку, чувствуя, как её ладонь скользит в его — мокрая, горячая, живая. Где-то впереди мелькнул свет — старая трасса, ведущая к порту.

— Туда! — крикнул он, и они вылетели на асфальт, где у обочины стоял его запасной вариант — выдавший виды «Мустанг» шестидесятых годов. Он держал эту машину для по-

бега. И сейчас пришло её время.

Дима завёл мотор с полпинка, и восьмицилиндровый двигатель взревел, разрывая ночную тишину. Лера запрыгнула на пассажирское сиденье, сжимая «Глок» в руке.

— Дрон! — крикнула она, показывая вверх. Чёрный беспилотник вынырнул из-за деревьев, и его прожектор упёрся в них, как хирургический скальпель.

— Держись! — Дима выкрутил руль, и «Мустанг» заскользил по мокрому асфальту, развернувшись задом наперёд. Он достал из бардачка дробовик — короткоствольный, обрез — и, не сбавляя скорости, высунул руку в окно. Один выстрел, второй — дрон задымился и рухнул в канаву, разбившись в щепки.

— Отличный бросок, — выдохнула она, переводя дух. — Ты всегда так эффектно уходишь от погони?

— Только когда на заднем сиденье девушка, — усмехнулся он, и она ударила его по плечу, но без злобы. Скорее, чтобы убедиться, что он настоящий.

Выехали на шоссе. Город впереди горел огнями — сотни окон, миллионы жизней, и никто из них даже не подозре-

вал, что в эту ночь решается судьба криминальной империи. «Мустанг» летел под сотню километров в час, но Дима уже перебирал в голове план.

— У нас есть час, — сказал он. — Я знаю этот порт. Склад номер семь. Если мы не успеем до смены охраны, — он покосился на часы, — будет поздно. Вольф перепрячет документы.

Лера достала из кармана куртки маленький флеш-накопитель и помахала им перед его носом.

— А это мы не учли. Я скопировала половину его файлов ещё месяц назад. Но там нет главного — списка его связей в прокуратуре. Этот список — только в бумажном виде. В его сейфе. В кабинете.

Дима присвистнул. Кабинет Вольфа в особняке — это самое охраняемое место в городе. Двадцать человек, бронированные двери, тепловизоры. Но он знал, что Лера не просто так упомянула это.

— Ты хочешь пойти через парадный вход? — спросил он, замедляясь у железных ворот порта.

— Хуже, — она усмехнулась, и он понял, что она уже всё

придумала, пока они мчались по трассе. — Я хочу, чтобы меня похитили. Ты возьмёшь меня в заложники. Я скажу отцу, что ты требуешь выкуп. Он соберёт всю охрану в гостиной, чтобы обсуждать моё освобождение. А в это время... наш человек проникнет в кабинет.

Дима остановил машину у бетонного забора. Повернулся к ней. В свете приборной панели её лицо было бледным, но спокойным. Она действительно была готова рискнуть собой.

— Ты понимаешь, что он может тебя застрелить, — сказал он тихо. — Если заподозрит, что ты заодно со мной.

— Он уже подозревает, — она отвела взгляд. — Но он никогда не поверит, что я согласилась на такое. Потому что для него я — испорченная, слабая дочка, которая только и умеет, что тратить деньги.

Дима хотел возразить, но она коснулась его руки, и все слова застряли в горле.

— Дим, — прошептала она. — Я сделаю это. Но только при одном условии.

— Каком?

— Если что-то пойдёт не так... ты не будешь геройствовать. Ты просто уйдёшь. Живым. Обещай.

Он сжал её пальцы, не выпуская. Чувствовал, как бьётся пульс на её запястье, — часто, испуганно. Но в глазах стояла сталь.

— Ничего не пойдёт не так, — сказал он глухо, наклоняясь к ней. Поцеловал быстро — в висок, в уголок губ. — Потому что я вытащу тебя оттуда. Даже если для этого придётся сжечь весь этот грёбанный особняк.

Она улыбнулась. Свет фар выхватил чёрный «Мерседес» Вольфа, въезжающий через главные ворота порта. Охрана расступалась перед ним, как море перед пророком.

— Время пошло, — выдохнула Лера, открывая дверь «Мустанга». — Звони ему сейчас. Скажи, что я у тебя.

Дима не стал больше говорить. Он достал спутниковый телефон и набрал номер, который Лера написала ему на ладони, когда они сидели в машине.

Трубку взяли после первого гудка. Голос старого, сытого, злого человека прозвучал в динамике:

— Слушаю.

— Здравствуй, Александр Вольфович, — произнёс Дима, глядя, как Лера выходит из машины и медленно идёт к воротам, поднимая руки. — Твоя дочь у меня. Если хочешь видеть её живой, готовь два миллиона зелеными. И жди моего звонка.

В трубке повисла тишина, а затем раздался низкий, ледяной смех.

— Мальчик, — сказал Вольф. — Ты даже не представляешь, как я хочу тебя увидеть. Приходи. Мы поиграем.

Связь оборвалась. Дима смотрел, как Леру встречают двое охранников в чёрных костюмах. Она обернулась на мгновение, и в свете фар их взгляды встретились. Она чуть заметно кивнула. Он ответил тем же.

— Ну что, — пробормотал он, заводя «Мустанг». — Поиграем, значит.

И «Мустанг» сорвался с места, унося его в тени ночного города — навстречу самому опасному делу в его жизни. И единственной женщине, ради которой он был готов рискнуть всем.

Глава 2. Волк в овечьей шкуре

Особняк Вольфа стоял на холме, как средневековый замок, только вместо рва с водой — элитный газон и системы «умный дом», которые стоили больше, чем весь квартал, где вырос Дима. За чугунной решёткой ворот качались кипарисы, а из окон лился золотой свет, в котором даже пули казались красивыми.

Дима оставил «Мустанг» в полукилометре, в заброшенном гараже. Дальше — пешком, по-пластунски, через кусты и дренажные трубы. Он знал этот маршрут. Лера нарисовала его на салфетке, когда они сидели в рыбацком доме, за час до того, как он взлетел на воздух.

Наушник в ухе ожил. Голос Леры — тихий, почти шелест:

— Я в гостиной. Второй этаж. Он бесится, но пока не тронул меня. Говорит, что разорвёт тебя на части. И накормит меня твоими внутренностями на ужин.

Дима хмыкнул, перелезая через ограждение.

— Оригинальный отец. Передай ему, что я предпочитаю

пищцу «Маргарита».

— Дим, — голос её стал серьёзным. — Здесь Фёдор. Тот, который был с твоим братом в последнюю ночь. Он здесь, как его правая рука.

Дима замер. Пальцы сжали рукоять пистолета так, что побелели костяшки. Фёдор. Предатель, который сдал его брата Вольфу за деньги и обещание сохранить жизнь. Он знал, что рано или поздно встретится с ним. Но не думал, что уже сегодня.

— Я увижу его, — сказал Дима, голос стал тягучим, как патока. — Обязательно увижу.

— Дима, не сейчас, — предупредила Лера. — Мы работаем по плану. Сейф. Документы. Потом — месть.

Он выдохнул. Проглотил злость, как кусок стекла. Она была права. Сейчас — только дело. Чувства — потом.

Он проник через кухонное окно, которое, по её словам, никогда не закрывали — старая привычка повара, который курил на улице. Пахло дорогой выпечкой и кофе. Дом жил своей жизнью, пока хозяин бушевал в гостиной.

Дима двигался бесшумно. Тень среди теней. По служебной лестнице — на второй этаж. Коридор был пуст — вся охрана собралась внизу, на случай, если похититель явится с повинной. Именно на это и рассчитывала Лера.

Кабинет Вольфа оказался за тяжёлой дубовой дверью. Дима приложил ухо — тихо. Осторожно вскрыл замок отмычкой, которую носил на шее. Внутри пахло дорогим табаком и старой бумагой. Кожаное кресло, дубовый стол, стены в книгах — и массивная картина за столом. «Чёрный квадрат» Малевича. Дорогая подделка, за которой прятался сейф.

Он провёл рукой по раме — нашёл едва заметный рычаг. Картина отъехала в сторону, обнажив стальную дверцу с кодовым замком. Код он знал — Лера продиктовала ему по памяти: 14101994 — день, когда Вольф убил её мать. Иронично, что он использовал эту дату как пароль.

Замок щёлкнул. Внутри сейфа лежали папки, какие-то диски, кучка золотых слитков — и чёрная кожаная папка с гербом прокуратуры. То, за чем они пришли.

Но когда Дима уже собирался закрыть сейф, его взгляд зацепился за маленькую фотографию, приколотую к внутренней стенке. На ней — женщина, очень похожая на Леру. Только глаза другие — тёплые, живые. И надпись на оборо-

те: «Моя Ангел, 1994». Она держала на руках маленькую девочку. Трёхлетнюю Леру.

Дима сунул фотографию в карман. Потом — папку, диск, пару слитков для отвода глаз.

В наушнике зашипело:

— Дима, он идёт в кабинет. Что-то заподозрил. У тебя минута!

Он захлопнул сейф, вернул картину на место и метнулся к окну. Выбил стекло локтем, перекинул ногу через подоконник — и в этот момент дверь кабинета распахнулась.

На пороге стоял Вольф. Седой, поджарый, с пистолетом в руке. За его спиной — Фёдор. Телохранители с автоматами. Всё, как в замедленной съёмке.

— Стоять, сука! — рявкнул Вольф. — Я знал, что ты полезешь.

Дима не стал ждать. Он спрыгнул с окна, в кусты, разбивая колени о камни, и побежал, слыша за спиной выстрелы. Пули свистели над головой, одна чиркнула по плечу, оставив огненную полосу. Он рванул к гаражу, где была машина, но

путь перерезали двое охранников.

— Лера! — крикнул он в наушник. — Уходи! Я их задержу!

Но в ответ — только шум, грохот, женский крик. А потом голос Вольфа, искажённый динамиком:

— Ты думал, я не проверю её телефон? Ты думал, я глупый старик? Она твоя, мальчик. Я отдам её тебе. Но только кусочками.

Дима замер. В груди что-то оборвалось. Он посмотрел в сторону особняка — там горел свет во всех окнах, как новогодняя ёлка ада. И в одном из окон он увидел её силуэт. Лера стояла у стекла, и по её щекам текли слёзы. Она качала головой — мол, беги. Не возвращайся.

Но Дима уже развернулся.

Он шёл обратно к особняку. В руке — граната, сорванная с пояса убитого охранника. В груди — пустота и пламя одновременно.

— Вольф! — заорал он, не прячься. — Я иду за ней. И если ты её пальцем тронешь — я сравняю этот дом с землёй.

Обещаю тебе, старый пёс. Я хочу увидеть твои глаза, когда ты будешь умирать.

Он шёл по газону, и охрана не стреляла — потому что они видели в его руке гранату с выдернутой чекой. Бледные лица, дрожащие пальцы на спусковых крючках. Двадцать человек против одного — но он чувствовал себя армадой.

Дверь особняка открылась. В проёме стоял Вольф, а рядом, с пистолетом у виска, — Лера. Она была бледна, но спокойна.

— Я отпущу её, — сказал Вольф медленно. — Если ты отдашь мне папку.

Дима остановился в трёх метрах. Посмотрел на Леру. Она прошептала одними губами: «Не надо». Но он уже вытащил папку из-за пазухи.

— Меняю, — сказал он. — Но учти: я скопировал всё. У меня есть копия. Если ты её не отпустишь — копия уйдёт в прокуратуру и в прессу. Твоя империя рухнет за час.

Вольф усмехнулся. Но в глазах его мелькнуло сомнение.

— Ты блефуешь, мальчик.

— Проверь, — Дима кинул ему папку в ноги. — Отпусти её. Сейчас же.

Вольф взвесил папку в руке, посмотрел на дочь, перевёл взгляд на Диму. Долгая, тягучая тишина.

Потом он убрал пистолет от виска Леры и оттолкнул её к выходу. Она, шатаясь, сделала несколько шагов и упала прямо в руки Димы — мокрая, дрожащая, живая.

— Бежим, — прошептал он ей в волосы, и они рванули прочь, пока особняк за их спиной взрывался криками и грохотом. Через полминуты «Мустанг» уже летел по шоссе, и Дима сжимал руль так, что металл скрипел.

Лера сидела рядом, положив голову ему на плечо. Она молчала.

А он смотрел в зеркало заднего вида и видел, как за ними загорается огненный след.

— Я тебя не бросил, — сказал он тихо. — Никогда.

— Я знаю, — ответила она, и впервые за всю ночь в её голосе не было льда. Только усталость. И благодарность. И

что-то тёплое, что он не решался назвать.

В наушнике снова зашипел Виталя:

— Брат... у тебя там всё в порядке?

— Да, — выдохнул Дима, глядя вперёд. — Всё по плану. Теперь у нас есть документы, — он коснулся внутреннего кармана куртки. — И мы живы.

— И что дальше?

Дима посмотрел на Леру. Она открыла глаза — зелёные, спокойные, уставшие. И улыбнулась ему. Впервые — светло, без тени боли.

— Дальше? — он усмехнулся. — Дальше мы будем строить новую жизнь. С нуля. Без Вольфа. — он сжал её руку. — Вдвоём.

«Мустанг» нёсся по ночной трассе, и фары разрезали темноту, а где-то сзади догорал особняк человека, который считал себя богом. Но боги умирают — а живыми остаются только те, кто умеет любить.

«Мустанг» летел по ночной трассе, пока огни особняка не

растаяли в зеркале заднего вида. Дима не сбавлял скорость, пока спидометр не перевалил за сто пятьдесят. Только когда город остался далеко позади, а впереди замаячили огни прибрежного городка, он выдохнул и перевёл дух.

Лера всё ещё сидела, привалившись к его плечу, и он чувствовал, как её дыхание постепенно выравнивается, становится глубже. Она засыпала. Прямо здесь, в машине, на его плече, после всего, что случилось.

Он не стал её будить. Просто сбавил скорость, чтобы не трясти на ухабах, и свернул на просёлочную дорогу, ведущую к старому маяку. Это место принадлежало его матери, которая ушла из жизни, когда ему было пятнадцать. Маяк давно не работал, но дом при нём был крепким, и никто не знал о нём — ни Вольф, ни его люди.

Дима заглушил мотор. Тишина накрыла их, как одеяло. Только волны бились о скалы внизу, и ветер гулял по пустым комнатам.

Он аккуратно выбрался из машины, обошёл её и открыл дверь со стороны Леры.

— Просыпайся, — тихо сказал он, касаясь её плеча. — Мы на месте.

Она вздрогнула, открыла глаза. Мгновение — и в них промелькнула паника, но, увидев его лицо, она расслабилась.

— Это где? — спросила она, выбираясь из машины. Ноги её подкосились, и он подхватил её под локоть.

— Маяк. Мой тайник. Здесь тебя никто не найдёт.

Дом внутри был простым, даже аскетичным: деревянный пол, камин, старая кушетка, покрытая пледом, кухня с газовой плитой. Но было чисто, сухо и пахло деревом и солью. Дима зажёл керосиновую лампу и поставил на стол.

— Садись, — сказал он, пододвигая стул. — Я заварю чай. Или ты хочешь что-то покрепче?

— Водку, — ответила она, садясь на кушетку и снимая ботинки. — Много водки.

Он усмехнулся, достал из старого буфета початую бутылку и две гранёные стопки. Налил, сел рядом. Она взяла стопку, не чокаясь, выпила залпом. Он повторил.

— Мы сделали это, — сказал он. — У нас есть папка. Ты жива. Я жив.

— И что теперь? — она повернулась к нему, и в её глазах заплясали блики лампы. — Ты знаешь, он не остановится. У него деньги, связи. Он найдёт нас.

— Пусть ищет, — пожал плечами Дима. — Мы не будем сидеть на месте. У нас есть рычаг — его компромат. Мы можем уничтожить его империю.

— Или продать его врагам, — добавила Лера. — У него их много.

Она замолчала, глядя в огонь камина, который Дима разжёл несколькими движениями. Спички, щепки, растопка — всё как по маслу. Не в первый раз.

— Дим, — сказала она вдруг. — Я хочу задать тебе один вопрос. И мне нужен честный ответ.

Он поднял на неё взгляд. Её лицо было серьёзным, даже суровым. Как будто она собиралась сказать нечто, что могло изменить всё.

— Спрашивай.

— Ты рискнул всем ради меня. Человека, которого зна-

ешь всего несколько дней. Почему?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, как свинец. Дима перевёл взгляд на свои руки — шрамы, мозоли, старые ожоги.

— Потому что я узнал тебя, — сказал он медленно. — Не тогда, когда ты сказала, что твой отец убил моего брата. Я узнал тебя, когда увидел твои глаза. У тебя взгляд человека, который потерял всё. И когда я встретил тебя, — он поднял голову и встретился с ней взглядом, — я понял, что мы с тобой — одно целое. Как будто я всю жизнь ждал, чтобы найти тебя.

Она моргнула. И в уголке её глаза сверкнула слеза, которую она тут же смахнула.

— Дурак, — прошептала она. — Ты — самый опасный, самый безрассудный дурак, которого я встречала.

— И ты его любишь, — закончил он, и это был не вопрос.

Она молчала секунду. Потом сделала то, что не входило ни в один план: она встала, подошла к нему и, опустившись на колени перед ним, положила ладони ему на колени.

— Люблю, — сказала она. — До чёртиков. До смерти. До

того, что хочу выть от страха за тебя каждую секунду.

Она положила голову ему на колени, и он провёл рукой по её волосам. Так они сидели в тишине камина, пока за окном шумело море, а где-то далеко продолжал гореть город, оставшийся без своего короля.

Но это была только первая ночь их новой жизни.

Наутро Дима проснулся от того, что Лера стояла у плиты и жарила яичницу. На ней была его старая футболка, сползающая с плеча, и она напевала что-то тихое, мелодичное.

Он не шевелился. Просто смотрел на неё и думал: вот за чем я выжил. Вот ради чего.

Она обернулась, заметила его открытые глаза и улыбнулась — той самой улыбкой, которая грозила свести его с ума.

— Доброе утро, герой, — сказала она. — Завтрак будет через две минуты. У тебя есть время, чтобы решить: мы будем воевать или сбежим на край света.

Дима встал, потянулся и подошёл к ней сзади. Обнял за талию, уткнулся носом в её макушку.

— А давай сначала позавтракаем, — сказал он. — А потом решим. Яичница пахнет лучше, чем планы мести.

Она рассмеялась. И в этом смехе было всё — надежда, тепло, будущее. Даже если за дверью ждала война, она была готова встретить её с ним.

А в городе, тем временем, Вольф сидел в своём сгоревшем особняке, держа в руках пустую папку, и отдавал приказ своим людям:

— Найдите их. Живыми или мёртвыми. Мне всё равно. Но принесите мне голову этого мальчика на блюде.

Охота началась. Но Дима и Лера ещё не знали, что в их игру вступает третий игрок — тот, кто был страшнее самого Вольфа. И он уже был на подходе.

Завтрак прошёл в тишине, нарушаемой только звоном вилок и криками чаек за окном. Лера сидела напротив Димы, и он впервые за много лет чувствовал себя... спокойно. Как будто война, погони и трупы остались в другом измерении. Но реальность напомнила о себе резко и грубо — когда его спутниковый телефон завибрировал.

Он взглянул на экран. Неизвестный номер. Но в этом ми-

ре не бывает случайных звонков.

— Алло? — ответил он, настороженно сжимая трубку.

Голос в динамике был низким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. Женский. Лера насторожилась, услышав, как он замолчал.

— Дима, — произнесла женщина. — Я знаю, кто ты. И знаю, что у тебя. Предлагаю сделку.

— Кто ты? — спросил он, чувствуя, как напряжение возвращается.

— Марина. Я работала на Вольфа. До того, как он стал тем, кем стал. Я знаю его секреты. И я знаю, что у тебя есть папка. Давай встретимся. Одна. Без подвоха. Я помогу вам исчезнуть.

Дима переглянулся с Лерой. Она отрицательно покачала головой — мол, ловушка. Но он не спешил вешать трубку.

— Где и когда?

— Старый ангар в порту. Сегодня вечером. Приходи один. Если приведёшь кого-то — я уйду.

Связь оборвалась. Дима положил телефон на стол и устался в пустую тарелку.

— Это ловушка, — сказала Лера, и в голосе её слышалась сталь. — Она — одна из его сучек. Я видела её пару раз на его мероприятиях. Она не на нашей стороне.

— А если на нашей? — возразил он. — Если она действительно хочет выйти из игры? Мы не можем сидеть здесь и ждать, пока Вольф найдёт нас. У нас есть папка, но нужны люди, чтобы продать её.

Лера встала, подошла к окну. Море было серым, как её глаза сейчас.

— Я не хочу тебя терять, — сказала она тихо. — Ты — единственное, что у меня есть.

Дима подошёл и встал сзади, положив ладони ей на плечи.

— Я приду в этот ангар не как дурак. Я приду подготовленным. Ты будешь на расстоянии, с прицелом. Если что — ты стреляешь первой. И я даю слово: я не умру сегодня.

Она повернулась, провела пальцами по его шраму на ску-

ле. Взгляды встретились, и в них было всё — и страх, и любовь, и тот самый адреналин, который делал их жизнь безумной.

— Я тоже пойду, — сказала она. — Не как тень. Как твой партнёр. Без меня ты не справишься.

Он хотел возразить, но она прижала палец к его губам.

— Я не отступлю, Дима. И не проси.

Он вздохнул, сдаваясь. И впервые за долгое время улыбнулся.

— Тогда давай готовиться. У нас есть шесть часов, чтобы превратить этот маяк в арсенал.

Вечер накрыл порт свинцовыми тучами. Ангар номер девять стоял на отшибе, среди ржавых контейнеров и брошенной техники. Где-то наверху гудел ветер, и свет фонарей дрожал, как больной.

Дима вошёл внутрь через разбитое окно. Лера осталась снаружи, на крыше соседнего здания, с винтовкой в руках. В наушнике он слышал её дыхание — ровное, спокойное.

Внутри ангара было темно и сыро. Пахло мазутом и старой древесиной. Он прошёл в центр, где горела единственная лампа, выхватывая из мрака бетонный пол.

— Я здесь, — сказал он громко. — Выходи.

Из тени шагнула женщина. Высокая, в чёрном плаще, с короткой стрижкой и острым взглядом. Марина. Она была старше, чем он ожидал — лет сорок пять, но выглядела как боевая машина. В руках — пустой кейс.

— Дима, — кивнула она. — Ты смелый. Или глупый.

— И то, и другое, — усмехнулся он. — Говори, что за сделка.

Марина открыла кейс — внутри были фотографии, диски и папки. Только не компромат. Другие.

— Ты думаешь, Вольф — главная угроза, — сказала она. — Но есть тот, кто стоит за ним. Кто дал ему власть. Кто покрывает его в прокуратуре. Я предлагаю тебе не просто папку. Я предлагаю тебе голову настоящего зверя.

Она перевернула одну из фотографий. На ней был изображён мужчина лет пятидесяти, в дорогом костюме, с непри-

мечательным лицом. Но глаза — холодные, как лёд. Настоящий хищник.

— Кто это? — спросил Дима.

— Генерал Соколов. Руководитель отдела по борьбе с организованной преступностью. Он продал Вольфу всю информацию о твоём брате. Именно он дал приказ на ликвидацию. А Вольф просто исполнил.

У Димы перехватило дыхание. Он знал Соколова — тот был легендой. Его везде показывали по телевизору как борца с мафией. Но внутри... внутри он был тем, кто убивал невинных.

— Почему ты помогаешь нам? — спросил он, сжимая кулаки.

— Потому что Соколов убил моего мужа, — сказала Марина спокойно. — Пятнадцать лет назад. Я ждала этого дня. И я хочу, чтобы ты помог мне уничтожить его.

Где-то снаружи Лера уже навела прицел на голову Марины. Но Дима поднял руку — стоп.

— Ты готова подтвердить свои слова? — спросил он.

Марина достала из кармана флешку.

— Здесь записи разговоров Соколова с Вольфом. Все. Ты можешь отдать их в прокуратуру. Но лучше — отдать журналистам. У меня есть контакт в одном крупном издании.

Дима взял флешку, взвесил на ладони. В этот момент в наушнике раздался шёпот Леры:

— Дим, я вижу движение. Слева от тебя, в тени контейнера. У него автомат.

Сердце ухнуло вниз. Дима не обернулся, но чуть изменил позу, готовясь.

— Марина, — сказал он спокойно. — Ты пришла одна или с хвостом?

Она побледнела. Резко обернулась — и в тот же миг из тени вылетела очередь. Марина упала, прижимая руку к плечу. Дима выхватил пистолет и нырнул за бетонный блок.

Завязалась стрельба. Грохот, вспышки, крики. Лера открыла огонь с крыши, снимая одного, второго, третьего. Дима в ответ посылал пули в сторону контейнеров, откуда вели

огонь люди Вольфа.

— Отходим! — крикнула Лера в наушник. — У них подкрепление! Сейчас будет вертушка!

Дима рванул к Марине, схватил её за руку, вытащил из-под обстрела. Кровь заливала её плещ.

— Держись! — прорычал он, таща её к выходу.

Снаружи загрохотал вертолёт. Лера уже спрыгнула с крыши, приземлилась на контейнер, откатилась, стреляя на ходу. Дима закинул Марину в «Мустанг», завёл мотор, и они вылетели из порта, пока пули свистели над крышей.

Машина мчалась по ночным улицам, и Дима, сжимая руль, смотрел в зеркало. Лера сидела на заднем сиденье, перевязывая рану Марины.

— Ты жива? — спросил он у неё, глядя в глаза отражения.

— Да, — выдохнула она, улыбнувшись. — Мы вместе. И это главное.

Марина застонала, открыла глаза:

— Соколов... он знает, что у вас есть флешка... он пошлёт всех...

— Пусть идёт, — сказал Дима. — Мы готовы.

Он нажал на газ, и «Мустанг» рванул в ночь, оставляя позади горящий порт. Впереди была война. Но теперь у них был не только компромат. У них был свидетель. И шанс перевернуть всю игру.

Лера положила руку ему на плечо и прошептала:

— Мы выживем. Я знаю.

Он не ответил. Просто сжал её ладонь. И повёл машину к маяку — чтобы перегруппироваться и нанести решающий удар. Вдвоём. Или никак.

Маяк встретил их холодом и тишиной. Дима занёс Марину внутрь, уложил на кушетку. Лера, не говоря ни слова, достала аптечку — старый армейский набор, который он хранил на всякий случай. В её движениях чувствовалась уверенность человека, который видел кровь не в кино. Она обработала рану, зашила, перевязала. Марина стиснула зубы, но не издала ни звука.

— Пуля прошла навывлет, — сказала Лера, вытирая руки о полотенце. — Кость не задета. Через пару недель заживёт. Если не будет заражения.

Марина открыла глаза, посмотрела на неё с уважением.

— Я знала, что ты не просто папина дочка, — прошептала она. — Слышала о тебе.

— Хватит болтать, — Лера перевела взгляд на Диму. — Что теперь?

Он стоял у окна, глядя на чёрное море. В руке — флешка, которую дала Марина. Вес всей операции, всей мести, всей надежды.

— Теперь, — сказал он, поворачиваясь. — Мы связываемся с журналистами. Марина дала контакт. Но сначала — мы должны убедиться, что Соколов не перехватит инфу.

Лера подошла к нему, встала рядом. Марина с трудом приподнялась на локте.

— У меня есть человек в редакции, — сказала она. — Анна Петрова. Она ведёт расследования. Ей можно доверять. Я свяжусь с ней через защищённый канал. Но нам нужно вре-

мя. Хотя бы сутки.

— Сутки — это много, — покачал головой Дима. — Вольф уже поднял всех своих псов. Соколов, скорее всего, тоже в курсе. Через несколько часов они будут прочёсывать каждый километр побережья.

Лера взяла его за руку. Её ладонь была прохладной, но твёрдой.

— Тогда мы уходим в глубь страны, — сказала она. — У меня есть контакт в старом военном бункере, километрах в ста отсюда. Там нас никто не найдёт. И мы сможем спокойно передать информацию.

Дима посмотрел на неё. В её глазах — огонь. Тот самый, что зажёгся в нём, когда он впервые увидел её у служебного входа. Огонь, который не давал им сдаться.

— Бункер, — повторил он. — Звучит как план.

— План — это то, что мы придумали, — усмехнулась она. — Действие — это то, что мы делаем. Поехали.

Через час они уже были в пути. «Мустанг» нёсся по пустынным дорогам, обходя основные трассы. Марина дрема-

ла на заднем сиденье, укрытая пледом. Лера сидела рядом с Димой, и в салоне играла тихая музыка — старый блюз, который он включил, чтобы успокоить нервы.

— Ты когда-нибудь думал, что жизнь может быть другой? — спросила она, глядя на мелькающие за окном деревья. — Без пуль, без погонь?

— Думал, — ответил он. — Когда был маленьким. Но потом понял, что такой мир не для меня. Я слишком много видел.

— А сейчас? — она повернулась к нему. — Сейчас ты хочешь другой жизни?

Дима помолчал. Сбросил скорость, въезжая в лесной массив. Фары выхватывали из темноты старую грунтовку, заросшую травой.

— Сейчас, — сказал он медленно, — я хочу, чтобы ты была в ней. И чтобы мы были живы. Остальное — как получится.

Она улыбнулась, опустила голову ему на плечо. И в этой минуте, среди грязи и страха, было что-то настоящее.

Бункер оказался старым, заброшенным, но сохранившим свою герметичность. Ржавые двери, густые заросли вокруг, холодный бетон внутри. Лера открыла его кодом, который знала от какой-то тётки из прошлой жизни, и они вошли внутрь. Запахло сыростью и временем.

Они зажгли свечи. Разложили карты. Марина, уже окрепшая, сидела за столом и набирала сообщение на защищённом коммуникаторе.

— Анна получила файлы, — сказала она через полчаса. — Завтра утром это будет во всех новостях. Соколов и Вольф — в центре скандала.

Дима переглянулся с Лерой. Это был их первый шаг к победе.

— Но есть одно «но», — добавила Марина, хмурясь. — Анна пишет, что Соколов уже знает о нас. Он поднял спецназ. И они идут по следу.

Лера встала, подошла к двери, прислушалась. Тишина. Но в ней чувствовалась опасность, как затаившийся зверь.

— Сколько у нас времени? — спросила она.

— Час. Может, меньше.

Дима встал, подошёл к Лере. Взял её за плечи, повернул к себе.

— Ты готова? — спросил он. — К финальному акту?

Она кивнула, и в её глазах снова зажглась та самая сталь.

— Вместе, — сказала она.

Он поцеловал её — быстро, крепко, на грани боли. Потом отстранился, достал пистолет.

— Марина, — сказал он. — Ты сможешь нас прикрыть?

Та уже поднималась, сжимая в руке автомат, который Дима принёс из машины.

— Я с вами до конца.

Вокруг бункера завывали сирены. Фары машин пробивались сквозь деревья. Вертолёт гудел где-то над лесом.

Дима встал у входа, поднял пистолет, глядя в ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.